

Е. Ю. Муратова
Республика Беларусь, г. Витебск

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация

Цель. Цель статьи заключается в выявлении художественной роли грамматических категорий в поэзии.

Процедура и методы. При анализе материала использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Методологическое значение в статье имеет «композиция научного задания» (термин М. Бахтина), необходимая для объединения рассматриваемых поэтических текстов единой интерпретационной основой.

Результаты. В статье на материале поэтических текстов А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского и др. доказывается, что грамматические категории в условиях поэтического контекста способны играть смыслообразующую роль. Наиболее активно себя проявляют категории времени и лица глагола.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют углубить представление о роли грамматических категорий в поэтических текстах, активнее реализовывать грамматические потенции поэтического языка.

Ключевые слова: грамматические категории, категории лица и времени глагола, окказиональное словообразование

E. Muratova
Republic of Belarus, Vitebsk

THE ARTISTIC ROLE OF GRAMMATICAL CATEGORIES IN A POETIC TEXT

Abstract

Purpose. The purpose of the article is to identify the artistic role of grammatical categories in poetry.

Methodology and Approach. The main general scientific methods of observation, description, analysis and interpretation were used in the analysis of the material. Methodological significance in the article is the composition of the scientific task” (M. Bakhtin’s term), which is necessary for combining the considered poetic texts with a single interpretative basis.

Results. In the article on the material of poetic texts by A. Akhmatova, M. Tsvetaeva, B. Akhmadulina, A. Voznesensky, etc. it is proved that grammatical categories in the conditions of a poetic context can play a meaning-forming role. The categories of tense and person of the verb are the most active.

Theoretical and Practical implications. The results of the study allow us to deepen the understanding of the role of grammatical categories in poetic texts, to more actively implement the grammatical potencies of poetic language.

Keywords: grammatical categories, categories of the person and tense of the verb, occasional word formation

Введение

Изучение поэтического языка имеет многолетнюю историю, но грамматика поэтического текста остаётся наименее исследованной областью. В научных исследованиях Р. О. Якобсона, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, А. В. Бондарко, И. И. Ковтунова, Л. В. Зубовой, О. Г. Ревзиной и др. выявляются эстетические возможности таких элементов морфологии, как род и число существительных, вид, залог, наклонение, время и лицо глагола, лексико-грамматические разряды

прилагательных и др., т. е. грамматика способна активно реализовывать художественные потенции поэтического языка.

Р. О. Якобсон утверждал, что в поэзии грамматические средства выполняют эстетическую функцию и их семантическая поэтическая нагруженность может быть не меньшей, чем у лексических единиц [Якобсон 1983: 462]; [Якобсон 1987: 215]. В частности, анализируя поэтический язык А. С. Пушкина, Р. Якобсон писал: «В стихах Пушкина поразительная актуализация грамматических противопоставлений, особенно в области глагольных и местоимённых форм, сочетается с тонким вниманием к выражаемому смыслу... Контрасты, сходства и смежности различных времён и чисел, глагольных видов и залогов приобретают впрямь руководящую роль в композиции отдельных стихотворений» [Якобсон 1994: 215].

В творчестве многих поэтов XX века, например, М. Цветаевой, В. Хлебникова, О. Мандельштама, В. Маяковского, А. Белого, Б. Пастернака, И. Бродского, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной именно язык стал ярким изображаемым явлением, сам стал художественным образом в поэтическом тексте.

Цель статьи заключается в выявлении художественной роли грамматических категорий в поэтических текстах А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского и др. При анализе материала использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации.

Филологический анализ художественной роли грамматических категорий в поэтических текстах

Эстетические возможности грамматических категорий в поэзии в основном определяются языковыми возможностями переносного употребления грамматических форм, окказиональным слово- и формообразованием, различными случаями синкретизма, семантизации и актуализации служебных частей речи, концентрацией форм разных частей речи.

Важную художественную роль в поэтическом тексте играет категория времени. Так, В. В. Виноградов, анализируя поэтический язык А. Ахматовой, отмечал «игру времён» в её стиле [Виноградов: 432]. В поэтическом тексте дополнительные художественные смыслы могут возникать как результат противопоставления временных глагольных форм. Например, у Б. Ахмадулиной: 1. *Вовек не бывало столь позднего часа, В котором сквозь бурю, он скачет и мчится, В котором сквозь бурю один уже мчался.* 2. *...и сумерки на сад Тогда не пали и падут лишь ныне.* 3. *Мой сон прошёл, а я ещё кричала. Проходит жизнь, а я ещё кричу.* В последнем примере глагол *пройти* имеет разные значения. Словарь С. И. Ожегова приводит 16 значений этого глагола. В данном контексте в отношении сна глагол *прошёл* имеет значение *закончился*, в отношении жизни глагол *проходит* имеет значение *осуществляется, сбывается*, т. е. в результате противопоставления глагольных форм возникают совершенно разные смыслы глагола *кричать*: *Мой сон прошёл, а я ещё кричала* – буквальное понимание данного глагола. *Проходит жизнь, а я ещё кричу* – его переносное значение: жизнь идёт к естественному концу со страданиями, мучениями, надеждами, преодолениями обид.

Важную роль в смыслопорождении играет категория лица глагола, что особенно ярко проявляется при рассогласовании форм лица, когда наблюдается отстранение лица говорящего, присвоения им потенциальной речи адресата. Это наблюдалось

ещё в древнерусских текстах, в которых были широко распространены этикетные формулы типа *Я, Ивашка, челом бьёт*.

То же явление наблюдается и в современной поэзии: 1. *Вот мы лежим. Нам плохо. Мы больной... Чем я, больной, так неприятен мне, Так это тем, что он такой неряха...* 2. *Он гудит себе гудит, Веточки качает. На пенёчке кто сидит? Я сидит, сучает* (Л. Лосев). 1. *Косится домосед: что здесь проходим надо? Кто низко так глядит, как будто он горбат? То – я. Я ухожу от дома и от сада. Навряд ли я вернусь. Тсс: палец на губах...* 2. *Дай мне беды, а им – добра и чуда. Так расточает жизни мимолетность Тот человек, который – я покуда* (Б. Ахмадулина). В данных контекстах мы наблюдаем симбиоз обозначения себя как субъекта речи и одновременно как объекта восприятия, т. е. рождаются смыслы отчуждения от своего Я, актуализируется определённая деперсонализации человека.

В лирике встречаются личные глаголы 3 лица в безличном употреблении. «При этом между глагольными формами с устраняемым лицом или отвергаемым производителем действия и между глаголами безличными в собственном смысле наблюдаются резкие семантические различия. Колебание, смешение и взаимодействие этих крайних типов приводит к разнообразным переходным формам безличного употребления, в которых открывается множество тончайших стилистических оттенков русского языка» [Виноградов: 368]. Такие переходные формы содержат многочисленные возможности проявления разных смыслов, при этом нередко наблюдается актуализация категории безличности за счёт повтора лексем одной модели: 1. *Чтоб в дверь – не стучалось, В окно – не кричалось, Чтоб впредь – не случалось, Чтоб – ввек не кончалось!* 2. *Снова прошепчется Где-то.* 3. *Песня поётся, как милый любитя: Радостно!* 4. *Вот: слышится – а слов не слышу, Вот: близится – и тьмится вдруг...* 5. *Как живётся вам – хлопочется – Ёжится? Встаётся – как... Как живётся вам – здоровится – Можетя? Поётся – как?* (М. Цветаева).

Современной поэзией активно осваивается семантический потенциал категории рода существительного. «Главное противоречие категории рода состоит в том, что она не является ни полностью лексической, ни полностью грамматической... С одной стороны, когда речь идёт о людях, здесь представлена природная бинарная оппозиция мужского и женского пола... С другой стороны, язык приписывает нереальный признак пола предметам. В результате сама эта лексико-грамматическая категория оказывается частично мотивированной, частично абсурдной» [Зубова 2000: 260].

Такие свойства категории рода, объективно присущие ей в естественном языке, являются потенциальной семантической базой для реализации её художественных возможностей в поэтических текстах. Например, в стихотворении А. Вознесенского, посвящённом Белле Ахмадулиной, есть такие строки: *Ах, Белка, лихач катастрофный, Нездешняя ангел на вид, Люблю твой фарфоровый профиль, Как белая лампа горит!* Глубинные смыслы возникают в сочетании *нездешняя ангел*. Значение лексемы ангел – сверхъестественное существо, посланец Бога. Белла Ахмадулина – известный, талантливый, оригинальный поэт, что высоко ценит её собрат по перу А. Вознесенский. Талант – великая тайна. В анализируемых строках изменение мужского рода существительного *ангел* на женский акцентирует внимание именно на женщине-поэте. Как писал И. Бродский о Б. Ахмадулиной, «хороший поэт является сокровищем нации. Тем более, если такой поэт женщина» [Ахмадулина 1999: 418]. Крылатая женщина-поэт, нездешняя ангел – это поэт вдвойне, в ней причудливо переплетаются и поэтическое, и лучшее женское

начала. Все эти художественно-смысловые коннотации возникают именно за счёт изменения категории рода существительного *ангел* с мужского на женский.

Окказиональное слово- и формообразование может быть яркой приметой идиостиля поэта. Например, у Б. Пастернака: *Мелко исписанный инеем двор! Ты – точно приговор к ссылке На недоед, недосып, недобор, На недопой и на боль в затылке.* У И. Северянина: *Вокруг – талантливые трусы И обнаглевшая бездарь.* Аналогичная нулевая суффиксация окказиональных существительных выявляется в творчестве М. Цветаевой: *бормот, вздрог, вжим, вмах, ворк, вспых, всхлес, вымах, воркот, выскок, зноб, ков, охлест, пропад, руб, раззор, рукоплеск, склаб, тряс, ухмыл, недослух, дрызга, кипь, оглядь, опушь, плещь, притопь, причеть, сквозь, ступь.* В лирике Б. Ахмадулиной также активен такой тип новообразований: 1. *Далёкий свет иль звук – **чирк** холода по коже.* 2. *Из кухни в погреб золотистой финки Так весел **промельк!** Как она мила!* 3. *Вот открытость входа В глубокий парк, в далекий **мельк** огня.* 4. *Всё чушь, чешуя, серебристая **чудь.*** 5. *Вид: восстанье и бой лежебок-параллелей, **Кривь** на **кось** натравил геометра просчёт.* В результате такого окказионального словообразования сама форма лексем становится смыслообразующим фактором.

Заключение

Таким образом, грамматические категории в условиях поэтического контекста способны играть смыслообразующую роль. Наиболее активно себя проявляют категории времени и лица глагола. Возникновение новых смыслов происходит также за счёт рассогласования форм лица, при актуализации категории безличности, противопоставления личных и безличных форм, концентрации однотипных грамматических форм, окказионального словообразования. Как показывает анализ, грамматика обнаруживает гибкость, подвижность, художественные, эстетические и смыслообразующие потенции, что активно реализуется в поэтических текстах.

Литература

- Ахмадулина Б. Друзей моих прекрасные черты: [стихи]. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
- Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски) // Анна Ахматова: pro et contra: антология: в 2 т. / сост. С. Коваленко. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2001-2005. Т. 1. 2001. С. 553-672.
- Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Семиотика: сб. ст.: переводы / Сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Изд-во «Радуга», 1983. С. 102-117.
- Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 460 с.